

Звездолет приземлился на свалке. Как только люк открылся, Линь Цзэюй помог Гоэну подняться и, дождавшись, пока остальные покинут корабль, направился к выходу. Но в тот момент, когда он уже готов был шагнуть наружу, сидевшая в глубине кабины пилота самка насекомого заговорила:

— Я помню тебя. Ты детеныш Валена.

Спина Линь Цзэюя напряглась, правая рука судорожно вцепилась в талию Гоэна. Его охватил леденящий ужас.

— Ха! На западе есть тропинка, там почти нет насекомых. Очень удобно, чтобы кого-нибудь убить и ограбить, а потом быстро сбыть товар, — самка играла куском проволоки, произнося эти слова небрежным тоном, будто обсуждала десерт к ужину.

Линь Цзэюй поднял голову, оглядывая толпу, уже покинувшую корабль — никто из них не направился на запад. Идущие впереди время от времени оглядывались. Один из Половинчатых самцов, встретившись взглядом с Линь Цзэюем, поспешно отвел глаза. Линь заметил, что самка, следовавшая за этим Половинчатым, исчезла. Он едва заметно нахмурился и вышел из люка.

Глядя вслед удаляющемуся Линь Цзэюю, самка зажала проволоку в зубах и насмешливо хмыкнула:

— Вален, как думаешь, удастся ему сбежать?

Тихий, словно шепот, голос растворился в воздухе вместе с угасающими огнями корабля.

Линь Цзэюй, поддерживая Гоэна, быстро зашагал следом за остальными. Проходя мимо первой же груды мусора, он убедился, что никто не смотрит, и юркнул в боковую тропинку, ведущую на запад.

Он шел, почти волоча Гоэна на себе. Внезапно позади послышались неясные шаги. Линь Цзэюй запихнул Гоэна вместе с привязанными к его поясу флаконами питательной жидкости в какой-то железный короб, накрыл сверху рваной тряпкой и бросился вперед. Тяжелое дыхание перекрывало стук собственного сердца, каждый шаг отдавался во рту привкусом крови.

Услышав, что шаги приближаются, Линь Цзэюй в отчаянии нырнул в кучу мусора и навалил на себя обломок механической руки. Пробежавшие мимо шаги постепенно затихли вдали. Линь Цзэюй смотрел сквозь щели в металле на серое небо, словно затянутое толстым слоем грязи.

Прошел час, и, убедившись, что вокруг ни звука, Линь Цзэюй попытался встать, но, сделав два шага, пошатнулся и рухнул на колени. Жгучая боль в желудке, слабость во всем теле и невыносимая ломота в копчике лишили его возможности даже вскрикнуть.

Он больше не мог держаться и распластался на земле. Бурая слизь стекала с кончиков волос, пересекала скулу и падала в пыль. Свет в его глазах начал меркнуть, но бешеное желание выжить заставило его ползти вперед. Глаза, которые он пытался держать открытыми, превратились в узкие щелочки, зрачков почти не было видно.

В полубреду ему почудилось, что он видит питательную жидкость. Он схватил флакон и влил содержимое в рот. Даже одного глотка хватило, чтобы подняться и продолжить поиски — нужно было найти достаточно, чтобы вернуться к Гоэну.

К счастью, на этой свалке валялось много пустых бутылок, и ему удалось наскрести еще полфлакона. Испорченная питательная жидкость была отвратительной на вкус, к тому же в ней плавали какие-то примеси.

Если бы только можно было больше никогда это не пить, — подумал Линь Цзэюй.

Петляя, он наконец вернулся к железному коробу, где спрятал Гоэна. Увидев, что тот по-прежнему неподвижно лежит под тряпкой, Линь Цзэюй с облегчением выдохнул, но, наклонившись, чтобы помочь ему, ощутил ледяную кожу.

Почти исчезнувшее дыхание Гоэна вызвало у него приступ паники. Линь аккуратно влил в него обе порции питательной жидкости и, поддерживая, повел в сторону главной дороги.

Вскоре после того, как они выбрались со свалки, город внезапно озарился светом: на сером небосводе зажглись три гигантских диска, похожие на мощные лампы накаливания, заливая все вокруг белым сиянием.

В этом резком свете серый промышленный город начал медленно просыпаться. Из высоких труб потянулся слабый дым, смешиваясь с хмурым небом. Стальные мосты и громоздкие механизмы проступали из теней. Воздух был пропитан запахом машинного масла и металла. На улицах брошенные детали и полуразрушенные здания выглядели особенно уныло в утреннем свете.

Линь Цзэюй вел Гоэна дальше. Мимо проезжали огромные грузовики, направлявшиеся на свалку, но никто не обращал внимания на двух изможденных молодых существ.

Выйдя на оживленную улицу, Линь попытался обратиться к прохожим за помощью, но все отшатывались от них. Когда он открыл рот, чтобы спросить дорогу, какая-то самка с силой швырнула в него мусор и рявкнула:

— Проваливай, мусорный вид!

Сила взрослой самки была немалой — даже увернувшись, Линь Цзэюй получил глубокий порез на лице. Он молча двинулся дальше и наконец увидел маленькую аптеку. Он поспешил туда, но путь преградила стоявшая у входа самка. Линь приподнял край одежды, показывая

привязанный к поясу энергетический камень, и только тогда самка неохотно уступила дорогу.

Увидев их, стоявший за стойкой Половинчатый самец с отвращением прикрыл нос и рот. Линь Цзэюй сжал кулаки, но вынужден был кротко молить о лечебном препарате.

— Самый дешевый стоит триста звездных кредитов. Сначала деньги, потом лекарство.

Линь Цзэюй заискивающе улыбнулся:

— Я заплачу, как только продам кое-что!

Не успел он договорить, как раздался резкий голос Половинчатого:

— И речи быть не может!

Тот отвернулся и принялся что-то делать в своем оптическом компьютере. Линь Цзэюй стиснул зубы, усадил Гоэна на стул и выбежал из аптеки. Он бросился в ближайшую лавку старьевщика и выложил энергетический камень:

— Поменяйте на кредиты, мелкими купюрами!

— Только тысяча кредитов, — лениво приоткрыв глаза, пробормотала сидевшая на стуле самка.

Линь Цзэюй молниеносно купил подержанный оптический компьютер, десять флаконов питательной жидкости и забрал оставшиеся кредиты. Получив лекарство, он поспешно ввел его Гоэну, и дыхание того стало ровнее. Однако не успел Гоэн прийти в себя, как их выгнали вон.

Линь Цзэюй, не проронив ни слова, помог Гоэну подняться и повел его по улице. Купив четыре бутылки воды, он обмыл себя и Гоэна, влил в него еще две порции питательной жидкости и сам выпил две. Расспросив прохожих о хорошей больнице, он остановил аэромобиль и, заплатив тройную цену, добрался до больницы Святого Павла.

Как только Линь Цзэюй вошел в приемное отделение, на них обратил внимание врач. Это был статный, мягкий в обращении самец ростом около двух метров, с точеными чертами лица, излучавший тепло и доброту. Он был в белом медицинском халате, его длинные сильные руки бережно приняли Гоэна и уложили на кровать. Линь Цзэюй заметил на его воротнике бейдж с именем — Билл.